

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Гроза

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Гроза / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 291 с.

ISBN 978-5-519-99130-8

ISBN 978-5-519-99130-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

неистовѣ сталъ грозить и жаловаться на своемъ выразительномъ языкѣ.

Сестры милосердія постучали въ калитку.

Изъ дома, стоявшаго въ глубинѣ двора, вышла старуха, посмотрѣла-посмотрѣла на нихъ, потомъ взглянула на кричавшаго ей о чемъ-то румына-биржара и вернулась назадъ. Сестры постучали еще.

Старуха вышла еще разъ, нерѣшительно потопталась у крыльца и собиралась уже опять уйти, когда младшая изъ сестеръ догадалась вынуть серебряный рубль и показать его издали.

— Уна карбона? ¹⁾—визгливо и вопросительно крикнула старуха.

— А-ичъ, а-ичъ, уна карбона!—еще визгливѣе и восторженнѣе крикнулъ ей въ отвѣтъ биржаръ.

Она спустилась, взяла черезъ ограду цѣлковый, недовѣрчиво посмотрѣла на него, попробовала на зубы и, прикрикнувъ на собакъ, нехотя отворила ворота...

Псы, видимо, были недостаточно дисциплинированы. Пара ихъ тотчасъ же подкатила подъ ноги нашимъ путешественникамъ; третій, застрявшій въ перекадинахъ, неистово рвался оттуда, желая принять энергическое участіе въ атакѣ своихъ товарищей, но клѣтка держала его крѣпко, и онъ напрасно вертѣлъ во все стороны свою освирипѣлую морду. Соединенныя усилія биржара съ палкою и старухи были едва достаточны, чтобы обезопасить сестрамъ путь къ дому. Неугомонные псы помѣстились затѣмъ передъ окнами и долго лаяли туда, въ то время, какъ утомленные дѣвушки уже прилегли на софу.

— Однако мы этого биржара отпустили и безъ лошадей, пожалуй, останемся,—замѣтила одна.

— Найдёмъ. Да и Пастыревъ съ остальными скоро пріѣдетъ...

Та, которая помоложе, была очень худоцава. Что-то болѣзненное лежало и въ выраженіи ея блѣднаго личика и во взглядѣ большихъ сѣрыхъ глазъ. Блѣдныя губы складывались тоже не весело. Когда она оставалась одна сама съ собою, тогда и жидкія бѣлесоватыя брови сходились и хмурились и худенькая грудь чаще приподымалась, точно дѣвушка или вспоминала что-нибудь очень ужъ тяжелое, или сердилась на неотвязчивую, назойливую мысль.

Другая—совершенная противоположность: здоровое круглое лицо, черные глаза на выкатѣ, черныя брови, черные волосы,

¹⁾ Слово, происшедшее отъ русскаго «карбованецъ».

неуклюжее крѣпкое тѣло на неуклюжихъ ногахъ; крупныя руки, крупныя ступни. Эта какъ разлеглась на кровати, такъ та даже затрещала подъ нею.

— Экъ вы, Сонечка, всегда неосторожно какъ!..—съ болѣзненной досадой проговорила первая.

— Да вѣдь во мнѣ, сестрица, пять пудовъ семь фунтовъ...—оправдывалась первая, звонко смѣясь въ отвѣтъ.

— Вотъ погодите-ка, васъ болгарская жара заставить похудѣть.

— А я, напротивъ, еще раздобрѣть думаю.

— Это зачѣмъ же?

— Себѣ на пользу, человѣкамъ на удивленіе!..

Первая закрыла глаза, показывая видъ, что спитъ. Сонечка приподнялась на локтѣ, заглянула на подругу и смирнехонько улеглась, отмахиваясь отъ мухъ... Въ эту самую минуту дверь въ комнату отворилась и маленькая дѣвочка, по румынскому обычаю, внесла на подносикѣ «дульчацъ»¹⁾, т.-е. два блюдечекъ а съ нѣсколькими зернышками приторнаго варенья изъ грецкихъ орѣховъ и два стакана воды. Сестры поблагодарили.

Скоро полная тишина водворилась въ домѣ, даже собаки успокоились и только легли у крыльца, чтобы быть въ полной готовности подкатиться подъ ноги путешественницамъ, какъ только онѣ выйдутъ изъ комнаты.

Стало еще жарче; въ открытое окно несло благоуханіе жасминомъ и неугомонный ропотъ рѣчонки, пробиравшейся по заваленному камнями логу.

Сонечка уже спала; другая, Марья Васильевна Солнцева, напротивъ, широко раскрыла глаза, точно какая-то фантастическая птица, изображенная немудрящими румынскими малярами на потолкѣ, привлекала ея вниманіе... Но она не видала ни этой пестрой птицы ни этого потолка.

Передъ нею вновь стояло ея прошлое. Она опять смотрѣла туда... И опять, точно воздуха становилось мало, не хватало его для дыханія... Тоска прилиwała къ сердцу; спазмами захватывало горло... Крикнуть бы хотѣлось на весь этотъ просторъ, крикнуть и зарыдать...

Она вѣдь и сама не замѣчаетъ, что крупныя слезы уже покатились по ея блѣднымъ щекамъ...

¹⁾ Дульчацъ—сладкое.

Еще мѣсяцъ назадъ порвалась ея послѣдняя связь съ прошлымъ, уѣхалъ ея женихъ... ничего не сказавъ, не предупредивъ ее... Что съ нимъ было? Почему онъ ее бросилъ? Вся жизнь ея потомъ окуталась тьмою и мукой.

На улицахъ тихаго румынскаго села слышалось что-то необычайное. Лай собакъ, крики людей, скрипъ многочисленныхъ телѣгъ. Дѣвушки вышли на крыльцо, но тотчасъ же зажмурились: передъ ними вся понизъ съ извилистою нитью рѣки, съ далекими лугами была затоплена яркимъ солнцемъ. Жгло во всю; казалось, что въ такой зной и двинуться нельзя никуда...

— Да отстаньте вы, дьяволы!—слышалось на улицѣ.

Толстый, весь мокрый отъ пота докторъ, подъ тяжестью котораго невольно гнулась лошаденка, сидя верхомъ, подбиралъ ноги, къ которымъ почувствовали внезапный аппетитъ сбѣжавшія отовсюду собаки. Онъ озабоченно смотрѣлъ, снявъ очки, не зная, куда пристать съ транспортомъ, то-есть пятаю фазтонами, нанатыми, очевидно, въ Журжево. Въ каждомъ изъ нихъ сидѣло по три сестры милосердія. За ними виднѣлись возы съ палатками, носилками, запасными больничными шатрами и всею вообще медицинскою рухлядью.

— Да это наши!—опомнилась первую Сонечка.—Докторъ Пастыревъ! Ползите сюда, мы тутъ уже заняли домикъ.

— Это вы, Анциферова?..

— Я самая.

— Ну и чудесно, теперь, значить, помѣщеніе найдено; только какъ мнѣ отъ этихъ тигровъ избавиться?

— Да вы ихъ, прекрасный мужчина, нагайкой.

— Увертливы, подлые...

«Прекрасному мужчине» отворили ворота и вся процессія вышла во дворъ дома.

Молоденькія и старыя, красивыя и уродливыя сестры собрались на балкончикъ и разомъ покрыли всѣ звуки громкими голосами и смѣхомъ. Всѣхъ, очевидно, оживляло, что скоро начинается настоящее дѣло, для котораго онѣ пріѣхали сюда,—та каторжная работа «сестры», которая большую часть этихъ труженицъ свела потомъ въ раннія могилы.

Необычайно толстый и веселый докторъ былъ уже тутъ и хлопоталъ посреди двора.

— Пастыревъ? Что вы это?...

— Да вотъ хочу шатеръ здѣсь раскинуть «для ради отдохновенія».

Чрезвычайно глупаго вида болгаринъ, тоже съ перевязкою краснаго креста, принесъ полотнище шатра и сталъ работать надъ его разбивкой. Болгаринъ этотъ былъ преоригинальнымъ существомъ. Отца его и мать или, какъ говорилъ онъ, «баштана и майку», въ свое время добросовѣстно «порѣзали турци-тѣ». Сдѣлавъ это, турци-тѣ ушли, оставивъ его, Дончо, цѣлымъ и невредимымъ. Дончо убѣждалъ въ Румынію и здѣсь присталъ къ доктору Пастыреву, заявляя, что пока онъ послужить ему, а потомъ, какъ начнутся дѣла, такъ и онъ, Дончо, отправится за русскими войсками, съ добродѣтельнымъ намѣреніемъ «сичкихъ плѣнныхъ турцей малко порѣзать». Наивный парень вѣрилъ, что никому другому, какъ только ему, и можетъ быть поручена эта деликатная операція, при чемъ души его «майки и баштана» будутъ совершенно удовлетворены...

Пока, въ ожиданіи этого великаго событія, Дончо оказывался очень полезнымъ. Онъ былъ способенъ одинъ поднять телѣгу, свалить какую угодно лошадь, притащить быка за рога. Со своей медвѣжьей силой и необычайно глупымъ видомъ онъ скоро очутился здѣсь въ роли общаго любимца.

— Дончо!..—конфиденціально подозвалъ его къ себѣ Пастыревъ.

— Азъ, братушко...

— Ты № 6-й знаешь?

Дончо одобрительно улыбнулся и бросился къ возамъ.

Спустя минуту, онъ уже тащилъ на себѣ огромный англійскій ящикъ со всевозможными хирургическими и медицинскими пособіями. Пастыревъ раскрылъ ящикъ. Въ углу, въ соломенномъ футлярѣ, лежала большая бутылка настоящаго французскаго коньяку.

— Ну, Дончо?..

— Святы Боже, святы крѣпки, святы безсмертныи помилуй насъ!..

— Аминь!—и громадная бѣлая аптекарская чашка опрокинулась въ широко раскрытый ротъ Пастырева.

— Фу, ты, звѣрь!..—вытаращилъ онъ глаза на минуту.

Дончо протянулъ руку и получилъ на свою долю.

— Да живетъ Руссія!..—и онъ столь же поспѣшно проглотилъ коньякъ.

— Ты что жъ, дуракъ, не морщишься?

— Гуляма (хороша) ракія!.. Добра.

— Ну, приготовляй барышнямъ чай...

Скоро около шатра, гдѣ, развѣсивъ и жмурясь, отдыхалъ Пастыревъ, шипѣлъ самоваръ, надъ которымъ, не складывая рукъ, трудился Дончо; онъ раздувалъ угли, уподобляясь въ это время округленною ланитъ мифологическимъ изображеніямъ «вѣтровъ» и даже самому Борею.

На балконѣ вокругъ высокой и полной, необычайно важнаго вида, начальницы-сестры, съ золотымъ крестомъ на груди, группировались остальные. Густые волосы ея прядями выбивались изъ-подъ чепца и непокорно ложились на лобъ. Въ нихъ чуть замѣтно серебрилась сѣдина. Строгости лица измѣняли чрезвычайно добрые глаза. Для пятидесятилѣтней женщины она была красавицей. Это и была сестра Кошева, которая оставила хорошую память и въ мученикахъ Севастополя, и въ герояхъ Черной горы, и въ сербскихъ добровольцахъ. Она была всюду, гдѣ лилась кровь и страдали люди. Ея ласковый голосъ одинаково звучалъ сраженнымъ бойцамъ и въ русскихъ траншеяхъ и на скалахъ пустынной чужбины. Теперь она въ четвертый разъ готовилась итти на помощь страстотерпцу-солдату и глубокимъ сознаніемъ важности принятаго на себя долга звучалъ ея мягкій, симпатичный голосъ.

— Вы точно на праздникъ ѣдете,—останавливала она молоденькихъ сестеръ, слишкомъ ужъ оживленно и радостно толковавшихъ о будущемъ.—А это вѣдь не праздникъ... Тамъ смертная мука, страданія... Радоваться нечему.

— Да вѣдь мы съ апрѣля сложивши руки сидимъ...

— Эхъ вы... несмышленички... лучше годы сложа руки сидѣть, лишь бы дѣла такого не было. Это великое послушаніе вы принимаете на себя... Тутъ себя забыть надо, всѣхъ родныхъ, близкихъ... близкихъ... Это подвигъ... Много васъ пришло сюда... Дай Богъ, чтобъ много и ушло отсюда... Начало дѣла всегда легко бываетъ, потомъ только недостатки да безурядица начинаются... А тутъ за каждую оплошность сотни жизней ложатся... Тутъ смерть широко косить свою жатву...

Кошеву видѣли цѣлые дни и ночи сидящею въ палатѣ гангренозныхъ, куда и доктора входили съ опаской. Въ этомъ гнѣздѣ заразы и смерти она, спокойная и ясная, читала евангеліе солдатамъ, писала имъ письма, говорила съ ними. Вокругъ умирали санитары; доктора, только заглядывавшіе туда, умирали тоже; Кошева, спавшая въ томъ смрадномъ углу, оставалась цѣла. Во время самага страшнаго тифа, когда кругомъ все валилось и даже медики бѣжали изъ госпиталей, Кошева

вповѣ дни и ночи проводила въ центрахъ заразы, вырывая у смерти ея уже намѣченные жертвы, и сама опять-таки оказывалась жива. Она спала съ холерными, жила съ тифозными, дышала гангреной, и въ эпическій періодъ богатырей, въ эпоху, когда рассказы о герояхъ стали обыкновенными, слухи о ней не замерли, но, напротивъ, волновали глубоко сострадательныя души. Ей удивлялись, передъ нею благоговѣли, и когда, годъ спустя, она вернулась въ Петербургъ, свѣтъ упалъ передъ нею, какъ передъ святой. Всегда скромная, величавая въ изящной простотѣ, Кошева спокойно заняла свое мѣсто, не жалѣя объ утрачиваемой красотѣ.

Долгій періодъ мира не уgomонилъ энергической женщины: франко-прусская война вызвала ее къ новой дѣятельности. Тамъ ее видѣли въ Амьенѣ въ частномъ госпиталѣ княгини Сальмъ-Сальмъ; потомъ она отправилась въ Банамъ, работала въ Перронѣ, гдѣ черезъ ея руки прошло болѣе шестисотъ раненыхъ; первую сестроу милосердія вошла въ С. Кентень, когда онъ еще былъ подъ огнемъ; работала здѣсь съ іоаннитами; перевязывала раны, какъ врачъ; утѣшала умирающихъ, какъ духовникъ; наконецъ сильная натура ея не выдержала: Кошева заболѣла тифомъ...

Черезъ нѣсколько лѣтъ ее уже видѣли работающею въ Черногоріи, суровые и сумрачные бойцы которой смотрѣли на нее, какъ на святую...

Она въ правѣ была говорить о подвигѣ послушанія...

Она изучила человѣческое сердце въ такія минуты, которые дѣлають его и высокимъ и чистымъ. Она у кровати раненаго и больного приучилась любить «человѣка»...

Эту же любовь она хотѣла вдохнуть и въ своихъ молоденькихъ «послушницъ».

Докторъ Пастыревъ также былъ не совсѣмъ обыкновеннымъ врачомъ. Несмотря на свою истинно необычайную толщину, этотъ эскулапъ ухитрился сдѣлать два кругосвѣтныя плаванія. Онъ лѣчилъ и въ Японіи и на Явѣ. Въ Гоголулу собственноручно ставилъ пиявки какому-то Калакакуа V. На островахъ Тонга или «Дружбы» чуть не былъ съѣденъ «друзьями», которыхъ привелъ въ неистовый гастрономическій восторгъ полнотою и обиліемъ мяса. Добродушіе Пастырева дѣлало его общимъ пріятелемъ. Въ арміи, куда онъ только что заглянулъ, уже масса офицеровъ была съ нимъ на «ты», при чемъ, въ минуты откровенности, Пастыревъ утѣшалъ ихъ, чтобъ они не

безпокоились: онъ - де, какъ хирургъ, въ случаѣ чего «въ лучшемъ видѣ» отхватить имъ руки и ноги. Завѣдуя госпиталемъ и хохоча съ утра до ночи, онъ какъ-то устраивалъ такъ, что все у него шло въ порядкѣ и безурядицы не было никакой. чѣмъ не могли похвастаться другіе. Его ненавидѣли въ яскомъ складѣ. Оттуда имѣли обыкновеніе мило ошибаться: вмѣсто кастороваго масла посылали рыбій жиръ, вмѣсто хинина—липовый цвѣтъ, вмѣсто хлороформа—валерьяну. Съ Пастыревымъ такія шутки были не совсѣмъ удобны. Онъ поднималъ всю главную квартиру на ноги, обращался и къ газетамъ и лично съ авторами такихъ недоразумѣній отправлялся ругаться. Рассказывали объ одной его шуткѣ, какъ онъ одного такого заставилъ проглотить большую дозу рыбьяго жира, угрожая ему иначе выстрѣломъ изъ револьвера.

— Впредь не будете присылать того, чего не слѣдуетъ... А теперь можете закусить револьверомъ.—И онъ положилъ ему на столъ смертоносное оружіе.

— Какъ, револьверомъ?..—коснѣющимъ языкомъ спросила «особа».

— Такъ, потому что онъ шоколадный. По вашимъ чувствамъ—въ самый разъ.

— Да вы знаете... Да я васъ!..—забормоталъ было офраппированный начальникъ склада, приходя въ себя.

— Ничего, ничего... Не испугаете!.. Я, батюшка, самой гаванской королевѣ промывательное ставилъ!..

И Пастыревъ величественно удалился, «проучивъ складъ».

Въ семь мѣсѣ у Пастырева были только двѣ страсти: лѣчить раненыхъ и пить коньякъ. Въ послѣднемъ занятіи онъ нашелъ добраго товарища въ Дончо.

Долго на одномъ мѣстѣ такой бродяга, какъ Пастыревъ, сидѣть не могъ и рассчитывалъ побывать на всѣхъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій, который онъ называлъ «анатомическимъ театромъ».

Когда Пастыревъ отдыхался достаточно въ тѣни шатра, онъ присоединился къ обществу на галлерей.

Тамъ было довольно шумно.

Кошева не мѣшала молодежи. Она ушла на противоположную галлерей, откуда открывался далеко видъ на сѣверъ.

Въ синевѣ прозрачныхъ далей рѣзкими очертаніями выдѣлялись угрюмые Карпаты съ бѣлыми проточинами ледниковыхъ глетчеровъ, серебряная грива которыхъ неподвижно покоилась

на гордыхъ гребняхъ. Темною синью ложились ущелья между грозными выступами горъ...

Вплоть до этихъ великановъ шла зеленая румынская равнина, по которой Бузео-вилась въ тысячи колецъ, то разбѣгаясь широко по бархату луговъ, то шумно огибая небольшіе холмы.

Много воспоминаній тѣснилось въ памяти у Косевой, когда, глядя на этотъ чудный пейзажъ, она разсѣянно перебирала георгіевскую ленту наперснаго креста, покоившагося у нея на груди... То полныя блеска и жизни, то сумрачныя и боевыя... И хорошо ей было отъ этихъ воспоминаній... Не даромъ прожитая жизнь сказывалась во всемъ... Великія бури расчистили воздухъ, и ей легко дышалось теперь въ своемъ прошломъ...

А съ противоположной галлерейки молодежь, притихнувъ, прислушивалась къ чему-то.

Далеко-далеко на югѣ слышались какіе-то глухіе удары... То чаще, то рѣже... Минуты двѣ-три молчанія — и опять... Зловѣщіе, долго гудѣвшіе въ окрестностяхъ...

Нельзя было ошибиться... Это заговорили пушки... И вѣрно турецкія, потому что удары нашихъ, направлявшихся туда, были бы здѣсь не слышны...

Какъ часты и какъ сильны эти удары... Неужели тамъ, за Дунаемъ, уже кипитъ бой?..

Грудь дышала порывисто и нервно; каждой хотѣлось на эту ниву крови, гдѣ столько великихъ страдальцевъ, быть-можетъ, уже нуждаются въ нѣжныхъ и мягкихъ рукахъ, въ ласковомъ и привѣтливомъ голосѣ сестры милосердія.

— Ну, барышни, — вставилъ Пастыревъ, — должно-быть, завтра будетъ намъ работа...

— А что?

— Да развѣ не понимаете. Откуда гудитъ-то?.. Наши Дунай переходятъ...

— Господи! дай имъ... — вырвалось у какого-то молоденькаго созданія.

— Вотъ у васъ марли и холста довольно ли съ собой? — дѣловымъ тономъ замѣтила другая.

— А вы, сестрицы, не пецытесь объ утрѣи, а напойте-ка насъ чаемъ, — насмѣшливо вставилъ Пастыревъ. — Все равно ужъ сегодня не поѣдемъ, развѣ на «крылахъ мечты»...

Долго еще прислушивался молодой кружокъ къ отзвучіямъ далекой битвы.

Воображеніе рисовало картины смерти и истребленія; въ эту палящую жару—отчаянную борьбу въ одиночку на пустынныхъ скалахъ дунайскаго побережья, пронзительные крики жертвъ, что падаютъ тамъ теперь, обливаясь кровью подъ штыками торжествующаго непріятеля...

А можетъ-быть, и дешево достанется!.. Мало будетъ убитыхъ, запевелились робкія надежды.

Одна изъ сестеръ милосердія была блѣдна и печальна. Александра Васильевна Чернявская, молоденькая, только что кончившая институтъ, красивая блондинка; ее уже сговорили, когда надъ мирнымъ семействомъ точно громъ грянулъ, появился манифестъ о войнѣ. Женихъ ея—юный, тоже недавно выпущенный офицеръ, долженъ былъ однимъ изъ первыхъ итти за границу; было не до свадьбы. Полкъ ушелъ. Чернявская не хотѣла оставаться одна... Послѣднее время четырнадцатая дивизія, въ которой служилъ ея женихъ, готовилась первою перейти Дунай... Каждый выстрѣлъ, слышавшійся теперь оттуда, отдавался въ ея сердцѣ, а въ промежуткѣ полной тишины, когда только стебли кукурузы шуршали кругомъ, да въ чащѣ густыхъ сливъ задорно перекликались птицы, воображеніе бѣдной дѣвушки работало еще живѣе. То и дѣло ей чудился женихъ на носилкахъ, съ полусмежившимися вѣками, изъ-подъ которыхъ болѣзненно смотритъ на нее милый взглядъ. Она вдрагивала, точно ей было холодно... очень холодно...

«Онъ вѣдь непремѣнно впередъ полѣзетъ, непремѣнно впередъ... Какъ ему не наткнуться на штыкъ или на пулю?» — тосковала она, хотя прекрасно понимала, что, останься онъ назади; ей же будетъ за него стыдно, больно и досадно...

— Ахъ, эта война! Кому нужна она?!—вырвалось у нея.

— Какъ кому? — переспросилъ Пастыревъ.

— Да вамъ, что ли?..

— У васъ и головка-то вся въ сусальный пряникъ упрячется, а вы, милая барышня, о войнѣ разсуждаете... Вотъ меня въ Петербургѣ пріятель-журналистъ увѣрялъ, что я ненавижу турокъ, стремлюсь въ Царьградъ, мы-де безъ войны жить не можемъ, разбогатѣемъ отъ нея, воздухъ расчистится... Но это-то онъ относительно дезинфекціи — вретъ.

— Да для чего же война-то?..

— Тайна сія велика есть... Нужна, да и шабашъ. Мнѣ нужна для практики, вамъ для упражненія вашихъ чувствъ любви къ

человѣчеству... Крестьянину для того, чтобы обнаружить твердость въ бѣдствіяхъ; солдату—«для побѣдъ одолѣнія», какъ выражается мой пріятель унтеръ Симаковъ. Вонъ Дончо—и ему война нужна, потому что онъ тоже собирается турцей «малко порѣзать», т.-е. главы имъ посѣчь... Дончо, что жъ ты, будешь такъ чикать турцей?

И Пастыревъ провелъ рукой по горлу.

Улыбка удовольствія на минуту вывела Дончо изъ каменной неподвижности.

— Сичкихъ порѣзаю... Земю пушку и сичкихъ!.. (Всѣхъ перерѣжу... возьму ружье и всѣхъ...)

— Этотъ хоть знаетъ, что ему нужно!.. У этого хоть ненависть есть... А у насъ, спроси Ивана Архипова, зачѣмъ онъ идетъ. Развѣ-развѣ что отвѣтитъ: «какъ же не итти-то, чудакъ вы, ваше благородіе? пойдешь, какъ тревогу вдарють, на то и прозывается—войнство православное».

II.

Н а к а н у н ъ.

Утромъ на слѣдующій день небольшая община сестеръ направилась къ Зимницѣ.

Впереди гарцовалъ Пастыревъ на той же маленькой лошаденкѣ, съ видомъ побѣдителя осматривая окрестности изъ-подъ очковъ.

Войска шли еще гуще, чѣмъ вчера. Со всѣхъ сторонъ онѣ стягивались сюда.

То и дѣло фазетонамъ приходилось тонуть въ однообразныхъ ошетилившихся штыками массахъ. Солнце ярко играло на стволахъ ружей; глухой говоръ охватывалъ отовсюду дѣвушекъ.

— Дай дорогу!.. Эй, дай дорогу... милосердныя сестры вѣдутъ!—слышалось между солдатами.—Раздайся!

И живая масса раздавалась, и запыленные лица «на ходу» съ любопытствомъ всматривались въ группы сестеръ. Нѣкоторые солдаты кланялись; офицеры дѣлали честь...

Труднѣе было при встрѣчѣ съ артиллеріей. Тутъ приходилось объѣзжать медленно громыхавшія по кочковатой дорогѣ орудія...